

Книги
ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ ЧЕЙЗА
в серии
«Звезды классического детектива»

Лучше бы я остался бедным
Весна в Париже
Сильнее денег
Перстень Борджиа
Шутки в сторону
Дело о наезде
Запах денег
Карьера убийцы
Он свое получит
Весь мир в кармане
Ты за это заплатишь
Карточный домик
Итак, моя радость
Без денег ты мертвец
Нет орхидей для мисс Блэндиш
Считай себя покойником
Свобода – опасная вещь
Получи по заслугам
Двойная подтасовка
За все надо платить
Честнее не бывает
Не мой уровень
Реквием блондинке
Если вам дорога жизнь
Туз в рукаве
У мертвых не спросишь
Ты будешь одинок в своей могиле
Быстрые деньги
Семь раз отмерь

Джеймс Хэдли
ЧЕЙЗ

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Клод Кендрик, владелец «Галереи Кендрика», вернувшийся из августовского отпуска, сидел за своим письменным столом и строил планы на очередной прибыльный сезон.

Жара и влажность, превращавшие Парадиз-Сити, эту игровую площадку миллиардеров, в мертвый город, остались уже позади. Наступил сентябрь, и город понемногу оживал с возвращением местных богачей, заезжих любителей роскошной жизни и простых туристов.

Кендрик, популярный в городе персонаж, рослый, поразительно толстый гомосексуалист, внешне напоминал дельфина, однако, как поговаривали, был при этом лишен присущего дельфину дружелюбия. По временам он и вовсе смахивал на акулу-людоеда.

Хотя Кендрик неизменно был одет с иголки и подкрашивал губы бледно-розовой помадой, лысую как коленка голову он скрывал плохо подогнанным париком оранжевого цвета. Встречаясь на улице с женщинами из числа своих покупательниц, он приподнимал оранжевый парик, словно шляпу. Несмотря на свою тучность и эксцентричность, в мире искусства Кендрик был признанным специалистом по антиквариату, драгоценностям и современ-

ной живописи. Его галерею знали и выбирали для себя коллекционеры со всего мира. Чего они не знали, так это того, что Кендрик является одним из самых крупных и активных скупщиков краденого в Соединенных Штатах и постоянно поддерживает связи со всеми профессиональными похитителями предметов искусства, у которых можно разжиться настоящими сокровищами.

У многих клиентов Кендрика имелись частные музеи, предназначенные только для их собственных глаз. Именно с такими клиентами Кендрик заключал самые выгодные сделки. Иногда кто-нибудь из этих клиентов замечал в каком-нибудь музее или в гостях у друзей некое произведение искусства, и его охватывала жажда обладания, свойственная только фанатичным коллекционерам. В итоге, не в силах обуздать снедающее его желание заполучить именно это сокровище, знакомый коллекционер заявлялся к Кендрику и намекал, что, если такой-то музей или же мистер такой-то захотел бы продать именно эту вещицу, он бы за ценой не постоял. Кендрик, зная, что именно это сокровище не продается ни за какие деньги, принимался обсуждать цену, а затем обещал выяснить, чем можно помочь. Коллекционер, зная по прежним сделкам с Кендриком, что все разрешится к его удовольствию, возвращался в свой подпольный музей и ждал.

Кендрик встречался с кем-нибудь из множества известных ему похитителей предметов искусства, обсуждал насущный вопрос и тоже ждал. В конечном итоге искомое произведение искусства загадочным образом исчезало из такого-то музея или из коллекции мистера такого-то и объявлялось в подпольном музее знакомого коллекционера. А круп-

ная сумма денег поступала на счет Кендрика в Цюрихском банке.

Весь август Кендрик путешествовал на своей яхте по Карибскому морю в веселой компании танцоров мужского балета, и вот теперь, посвежевший и сильно загоревший, он с наслаждением снова утвердился за письменным столом, чтобы сосредоточить свои таланты и свой криминальный ум на добывании денег.

Луи де Марни, старший продавец Кендрика, проскользнул в просторную, обставленную антиквариатом комнату с панорамным окном, где работал Кендрик.

Луи был тоненький, и внешне ему можно было с равным успехом дать как двадцать пять лет, так и сорок. Длинные густые волосы были цвета воронова крыла. Худое лицо с глубоко посаженными глазами и поджатыми губами придавало Луи сходство с настороженной крысой.

— Сюрприз! — воскликнул он своим высоким голосом. — Ни за что не угадаешь! Эд Хэддон пришел!

Кендрик оцепенел:

— Он здесь?

— Дождается!

Кендрик отложил золотой карандаш. Его жирная физиономия растянулась в акульей усмешке.

Эд Хэддон был королем похитителей предметов искусства, блистательный жулик, который внешне вел безупречную жизнь удалившегося от дел бизнесмена, исправно платя налоги и переезжая с одной из своих многочисленных квартир на другую: из Форт-Лодердейла на юг Франции, из Парижа в Лондон.

Хотя Эд Хэддон занимался кражами уже лет двадцать и стоял за несколькими очень громкими похищениями предметов искусства, он при этом так заметал следы, что ни одна полиция мира не подозревала о его гнусных деяниях. Это был настоящий преступный гений, способный не только составить план, но и собрать и направить на выполнение своего задания группу профессионалов.

С Кендриком он работал редко, зато, если работал, прибыль Кендрика неизменно оказывалась весьма ощутимой.

— Быстрее, тупица, — произнес Кендрик, с трудом поднимаясь из-за стола. — Зови его сюда.

Луи упорхнул прочь, а Кендрик остановился у двери, приветствуя Хэддона: улыбка елейная, рука протянута для рукопожатия.

— Эд, дорогуша! Какой чудесный сюрприз! Входи-входи! Выглядишь великолепно, хотя когда это ты выглядел иначе?

Эд Хэддон, остановившись в дверном проеме, оглядел Кендрика с головы до ног, затем пожал протянутую руку.

— Да ты и сам выглядишь недурно, если не считать этого кошмарного парика, — отозвался он, входя в комнату.

— Эд, мальчик мой, это же мой фирменный знак, — захихикал Кендрик. — Без него меня и не узнает никто. — Все еще не выпуская руки Хэддона, он подвел его к большому уютному креслу. — Присаживайся. Может, бокал шампанского?

Хэддона можно было запросто принять по ошибке за конгрессмена или даже за госсекретаря. У него была импозантная внешность: высокий, крепко

сложенный, с густыми седыми волосами стального оттенка, с румяным приятным лицом и серыми глазами, он обладал дружелюбной улыбкой, которая принесла бы ему огромное число голосов избирателей, реши он баллотироваться в конгресс. За этим фасадом скрывался острый как бритва ум, безжалостный и хитрый.

— Скотч со льдом, — заказал он, вынимая портсигар и выбирая сигару. — Будешь курить? Гаванские.

— Ну, не с утра же пораньше, — возразил Клод, наполняя бокал. — Я действительно рад видеть тебя после такого долгого перерыва. Сто лет не встречались, Эд.

Хэддон оглядывал просторную комнату. Глаза его изучали многочисленные картины, висевшие по обитым шелком стенам.

— А вот эта хороша, — заметил он, указывая на картину над письменным столом Кендрика. — Отличный мазок. Моне, говоришь? Подделка, само собой.

Клод принес бокал и поставил на маленький антикварный столик рядом с Хэддоном.

— Об этом знаем только мы с тобой, Эд, — сказал он. — У меня тут одна старая кошелка, которой некуда девать деньги, все никак не созреет для покупки.

Хэддон захохотал:

— Моне прикупить, значит? Удачно вложить денежки.

— Разумеется, мальчик мой. — Клод налил себе сухого мартини, затем вернулся к своему столу и снова сел. — Нечасто ты заглядываешь в наш славный городок, Эд.

— И задерживаюсь ненадолго. — Хэддон забросил ногу на ногу. — Как продвигаются дела, Клод?

— Несколько вяло. Сейчас ведь только начало сезона. Но антиквариат скоро пойдет. Богачи возвращаются на следующей неделе.

— Я имею в виду... дела, — подчеркнул Хэддон, впиваясь в Клода серыми глазами.

— Ах это! — Клод помотал головой. — В данный момент ничего. На самом деле я бы поработал, если бы что подвернулось.

Хэддон раскурил сигару и один долгий момент выпускал дым.

— Я тут все пытался решить: ты или Эйб Сейлизман.

Клод дернулся. При имени Эйба Сейлизмана у него неизменно сводило скулы, поскольку Сейлизман, несомненно, был крупнейшим барыгой в Нью-Йорке. Много раз он обставлял Кендрика в масштабных делах. Эти двое ненавидели друг друга, как мангуст и змея.

— Ну что ты, шер, — сказал Клод вслух. — Зачем же тебе сотрудничать с этим дешевым мошенником Эйбом. Ты ведь знаешь, что он не даст тебе настоящей цены. А я разве когда-нибудь тебя надувал?

— У тебя ни разу не было такой возможности, как и у Эйба. Речь идет о том, чтобы заработать много и быстро. Стоит товар шесть миллионов. — Хэддон выпустил облачко дыма. — Я хочу три из них.

— Шесть миллионов — сумма вполне реальная, — медленно проговорил Клод, акулый разум которого уже заработал. — Зависит, разумеется, от товара. Знаешь, Эд, на что-нибудь особенное тут готовы потратить много денег.

— А в Нью-Йорке в данный момент таких денег нет. Именно поэтому я пришел со своим предложением сначала к тебе.

Клод продемонстрировал свою дельфинью улыбку:

— Я это оценил, мальчик мой. Расскажи.

— Выставка из Эрмитажа.

— А! — Алчный взгляд Кендрика потух. — Очень милая. У меня имеется каталог. — Он выдвинул ящик стола и вытащил толстую брошюру в глянцевой обложке. — В самом деле, очень милая выставка. Красивые экспонаты. Жест в поддержку разрядки напряженности. Русское правительство присылает лучшие произведения искусства, чтобы граждане Соединенных Штатов Америки могли восхититься. — Он пролистал красочные страницы с иллюстрациями. — Великолепно. Тысячи людей получают выгоду от этого прекрасного сотрудничества между двумя самыми могущественными державами. — Он поднял глаза и поглядел на улыбавшегося Хэддона. — Да, но точно не ты, точно не Эйб и точно не я. — Он вздохнул и отложил каталог.

— Ты уже закончил трепаться? — поинтересовался Хэддон.

Клод снял свой парик, уставился на него, затем криво нахлобучил парик обратно на голову.

— Просто рассуждаю, дорогой Эд. Я часто мыслю вслух.

— Посмотри на страницу пятьдесят четыре, — посоветовал Хэддон.

Клод облизнул толстый палец и перелистнул страницы каталога.

— Да. Очень мило. Что тут написано? Икона, дата создания неизвестна, считается самой ранней

из всех сохранившихся. Известно, что принадлежала Екатерине Великой, которая очень дорожила этой иконой. — Он поглядел на иллюстрацию. — Выполненное на дереве живописное изображение неизвестного русского святого. Великолепная сохранность. Размер восемь на десять дюймов. Не всякому такое понравится. Толпа пройдет мимо. Для коллекционера весьма интересный экземпляр.

— На открытых торгах она стоила бы двадцать миллионов долларов, — негромко заметил Хэддон.

— Согласен, однако русские, очевидно, не собираются ее продавать, мальчик мой.

Хэддон подался вперед, и его серые глаза сделались похожими на острые концы сосуллек.

— А ты сможешь ее продать, Клод?

Кендрик почувствовал, что, несмотря на кондиционер, слегка вспотел. Он вынул из кармана шелковый носовой платок и промокнул лицо.

— Продать можно что угодно, однако достать эту икону будет проблематично.

— Не думай о проблемах. Она твоя за три миллиона, — сказал Хэддон.

— Давай я налью тебе еще, Эд. Такое нужно немного обмозговать.

Он тяжело затопал к бару и снова наполнил бокалы, не переставая напряженно размышлять.

— У меня мало времени, — сказал Хэддон, принимая у него стакан. — Выставка закрывается через две недели. Либо ты, либо Эйб.

Клод вернулся за свой стол и сел.

— Давай-ка взглянем на это дело повнимательнее, Эд, — предложил он. — Я был в Музее изящных искусств, когда год назад ездил в Вашингтон. Мне показалось, что у них там впечатляющая

система охраны. Насколько я понял из того, что пишут газеты, меры безопасности по случаю выставки были усилены и шанс украсть что-либо сводится к нулю.

Хэддон кивнул:

— Ну да, разумеется. Я вникал в этот вопрос. Там не только увеличен штат охраны музея, но даже привлечены федералы и ЦРУ, повсюду понатыканы копы в штатском. И это еще не все: для пущего веселья русские прислали пятерых собственных копов. Всех посетителей проверяют. Никому не разрешено проносить с собой сумки, даже дамские сумочки. Все посетители проходят через электронную рамку. Да, признаю, они проделали внушительную работу.

Клод вздернул жирные плечи:

— Значит...

— Да. Мне нравится красть то, что украсть невозможно, Клод. Ни разу еще я не остался без добычи, и я говорю тебе: если ты сможешь продать икону и заплатить мне три миллиона баксов, переведя на мой швейцарский счет, то икона твоя.

Клод мысленно перечислил разные крупные кражи, совершенные Хэддоном. Он припомнил пятифутовую вазу эпохи Мин, которая пропала из Британского музея. Спланировано все тогда было просто гениально, однако он все равно сомневался. На этот раз будет по-другому — опаснее, поскольку замешана политика.

— Ну, предположим, ты заполучил икону, Эд, — осторожно начал он. — Не мне тебе рассказывать, что похищение спровоцирует международный скандал, или, скажем иначе, катастрофу. Польша будет жарко.

— Это уже твои проблемы, Клод. Когда я отдам икону тебе, ты и будешь заливать пожар, впрочем, если не хочешь, так и скажи, и я пойду к Эйбу.

Кендрик колебался, но затем мысль о прибыли в три миллиона долларов пересилила осторожность.

— Дай мне три дня, Эд. Я должен переговорить с парой клиентов.

— Разумно. Я остановился в отеле «Испанский залив». Только ответь мне не позже вечера пятницы. Если найдешь подходящего клиента, я доставлю икону к следующему вторнику.

Кендрик утер с лица пот.

— Только чтобы успокоить меня, скажи, дорогой Эд, как ты собираешься это осуществить?

Хэддон поднялся с места:

— Позже. Ты сначала найди клиента, а уж потом поговорим о способах и средствах. — Он окинул Кендрика долгим взглядом. — Я это сделаю. Тебе не стоит беспокоиться. Пока. — И он ушел.

Кендрик посидел, погруженный в размышления, затем выдвинул один из ящичков письменного стола и достал книжицу в кожаном переплете, куда он записывал имена и адреса самых богатых клиентов — все они были владельцами подпольных музеев.

В комнату впорхнул Луи де Марни.

— Чего он хотел, дорогуша? — спросил он. — Предлагал дело?

Кендрик отмахнулся от него.

— Не отвлекай меня, — сказал он. — И пусть никто меня не отвлекает. Мне надо подумать.

Знакомый с подобными признаками, Луи молча удалился, закрыв дверь. На кону большие деньги

ги, а поскольку Луи получал пятнадцать процентов с незаконных сделок Кендрика, он был готов терпеливо ждать, пока не потребуется его участие.

Кендрику понадобилось гораздо больше часа, чтобы решить, к кому из клиентов стоит соваться. Ему был нужен кто-то, кого интересует русское искусство и кто сможет достаточно быстро собрать шесть миллионов. Отбрасывая по тем или иным причинам одно имя за другим, в основном из-за недостаточного интереса клиента к русской живописи, он наконец долистал до буквы Р.

Герман Радниц!

Ну разумеется! Он сразу должен был вспомнить о нем.

Один журналист, работавший на «Ле Фигаро», однажды высказался о Германе Раднице так: «Радниц — это мистер Крупный Бизнес. Вот предположим, хочешь ты построить в Гонконге дамбу. Предположим, хочешь запустить паромное сообщение между Англией и Данией. Предположим, хочешь поставлять в Китай электрическое оборудование. Пока ты еще не начал составлять план, лучше проконсультируйся с Радницем, который просчитает все финансовые риски. Радниц занимается практически всем: корабли, нефть, строительство, воздушное сообщение, а еще у него надежные связи с советским правительством и он на короткой ноге с президентом Соединенных Штатов Америки. Он, вероятно, самый богатый человек в мире, если не считать шейхов Саудовской Аравии».

Да, Радниц, решил Кендрик, но только придется вести дело с величайшей осторожностью.

Пораскинув мозгами еще немного, он позвонил в отель «Бельведер», где, как он знал, останавливается Радниц. После беседы с Густавом Хольцем, секретарем Радница, Кендрику была назначена аудиенция на завтра, на десять утра.

В августе преступность в Парадиз-Сити практически сходила на нет. Если не считать нескольких угнанных машин и заявлений от старушек, потерявших своих собак, полиции было нечего делать в этом влажном, потеющем городе.

Шеф полиции Фрэнк Террелл уехал в отпуск. Сержант Джо Биглер, оставшийся в управлении за старшего, просиживал штаны в кабинете Террелла, попивая кофе, и непрерывно курил. Будучи человеком энергичным, он с радостью ухватился бы за крупную кражу драгоценностей или что-нибудь подобное, однако воры и мошенники не появятся в городе до середины сентября, пока не вернутся все денежные мешки.

В помещении, где сидели полицейские, детектив первого класса Том Лепски, высокий, темноволосый и худой, водрузив ноги на стол, читал комиксы. За другим столом детектив второго класса Макс Джейкоби, моложе Лепски на четыре года, темноволосый и атлетически сложенный, отстукивал на своей допотопной пишущей машинке рапорт об угоне автомобиля.

По сравнению с тем, что творилось здесь полтора месяца назад, оживление в кабинете царило примерно такое же, как в городском морге.

Джейкоби выдернул из машинки лист бумаги вместе с копиркой и откинулся на стуле.

— Вот, готово, — сказал он. — Что еще сделать?